

(*Маг Кор – 2, Баскин Роббинс, Алкона плюс, Астория*): предприятие не важно ни само по себе, ни как часть системы – важно то, что в нем продается: ассортимент, товар, т.е. то, что имеет первоочередную значимость для покупателя.

Модель: «Особенности товара».

Таким образом, можно говорить о «лица необщем выражении» каждого из перечисленных районов. Все вместе же названия формируют пеструю картину эргоурбонимии мегаполиса, характеризующуюся разнообразием и даже порой противоречивостью интенций номинаторов.

**И.С. Просвирнина**

## **ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ РУССКИХ СОСТАВНЫХ ТОПОНИМОВ**

Составные топонимы (словосочетания и сложные слова) весьма характерны для русской топонимии – их не менее 30% от общего числа топонимов. Но фиксации составных топонимов, их анализ и классификация часто оказываются непоследовательными потому, что зависят от интерпретации исследователя. Собственный языковой и географический опыт позволяет исследователю членить атрибутивное топонимическое словосочетание с термином в постпозиции по своему усмотрению. Если определяемый компонент является общеупотребительным географическим термином, он при фиксации на картах, в словарях географических названий обычно выносится за пределы топонима: *Черная, р.; Белое, оз.* Но при употреблении в речи второй компонент часто сохраняется (или в исконной постпозиции, или современной официальной препозиции) – иначе могут создаваться определенные трудности при коммуникации и идентификации объекта. Эта же проблема вызывает закономерный разноречивый в географических изданиях, когда под давлением речевой традиции приходится фиксировать: *Онежское озеро, Черное море* наряду с *Белое, оз., Тройной, о.,* и т.п.

Учитывая систематизирующую роль географического термина в русской топонимии, представим структуру составного топонима как трехчленную: определяемая часть топонима, выраженная чаще всего существительным и называющая, квалифицирующая географический объект, – **квалификатор**; определяющая часть топонима, выраженная чаще всего прилагательным и дифференцирующая объект, – **дифференциатор**. Квалификатор и дифференциатор являются собственно топонимом и отражают мотивы номинации. Но также необходимо учитывать и обозначение вида объекта, географический термин, идентифицирующий объект, – **идентификатор**, который может оставаться за пределами собственно топонима, лексически не совпадать с квалификатором. Например, для топонима *Железные Ворота*, где квалификатор *Ворота*, дифференциатор *Железные*, идентификатором является географический термин *пролив*, вынесенный за пределы топонима. В других случаях идентификаторами для омонимичных топонимов будут термины *остров, мыс, поле*; для топонима *Белая Речка* той же структуры идентификаторы в зависимости от объекта – *река, покос, озеро, деревня* и др. При таком подходе к компонентам составных топонимов решается проблема метонимических переносов и омонимии названий. В определенном смысле противопоставление квалификатора и идентификатора в рамках составного топонима – для компонентного анализа аргумент не столько языковой

(оба – термины, выраженные существительными), сколько бытийный. В тех случаях, когда видовая отнесенность объекта очевидна для номинатора, достаточно и одной ступени идентификации. В этих случаях квалификатор равен идентификатору. В других случаях необходима вторая ступень идентификации – уточнение, объяснение, соотнесение с другими объектами (не любое болото, а...; не всякая пожня, а...).

В трехкомпонентной структуре составного топонима, описанной выше, не все компоненты обязательно должны быть выражены материально. С другой стороны, каждый компонент в лексическом выражении может быть и однословным, и многословным. Таким образом, трехчленная структура составного топонима предполагает, что:

а) каждый компонент в речевом выражении может быть равен нулю, но непременно подразумевается. Например, из трехкомпонентного состава топонима *Белая Речка, река* в речевом акте может быть использован только один компонент: *Белая*, или *Речка*, или *река*, но семантический комплекс составного топонима включает значения всех трех компонентов;

б) квалификатор может быть равен идентификатору. Обычно это происходит в ситуациях, когда в роли квалификатора выступает не местный, диалектный, а общеупотребительный, литературный географический термин: *Клытина Гора, горы*. В некоторых случаях семантика местного географического термина прозрачна, термин широко употребляется в рамках многих диалектов, но привязан к определенной территории: *пожня, исада*. Значение квалификатора может быть более или менее очевидным в связи с широким использованием аналогичного слова в апеллятивной общеупотребительной лексике (*Поганая Лужа, урочище*) или в связи с широким использованием этого слова в диалектной лексике, собираемой в экспедициях одновременно с топонимией (*Кислые Ляги, заболоченное место в лесу, ср. ляга*);

в) дифференциатор или квалификатор могут быть выражены группой слов. Дифференциатор может быть выражен группой слов, если: 1) при топонимической номинации используется несколько однородных дифференциаторов или коррелятов (*Первый Верхний Ручей, ручей; Большая Агнина, пожня*), 2) в роли дифференциатора используется комбинированное словосочетание или предложно-падежная конструкция (*Алексея Захаровича Большая, пожня; Большая Ляга Под Церквой, пожня*), 3) в роли дифференциатора используется цельнообразованная составная метафора (*Золотой Рубль, пожня; Медвежья Баня, лужа*) или событийное описание (*Где Трактор Пал, покос*). Кроме широко распространенных атрибутивных словосочетаний существительное + прилагательное, можно привести примеры других структур: атрибутивные – *Черта Ала, урочище*; субстантивно-генитивные – *Лешего Могила, урочище*; аппозитивные – *Москва Золотые Маковки, обрыв, часть берега*; сочинительные сочетания – *Петушок И Курочка, поле*; комплетивные – *Матка С Батькой, покос; Буренка С Теленком, покос; Свинья В Крынке, луг*; глагольные – *Боли Серцо, луг*. Квалификатор гораздо реже представлен группой слов, обычно в случае географической терминологизации какого-либо словосочетания: *белая вода, голое колено, железные ворота*, хотя следует отметить, что такие наименования находятся на переходной ступени между терминами и собственно топонимами. В некоторых случаях географический объект не имеет четкой терминологической характеристики, или несколько смежных географических объектов объединяются под одним именем, тогда квалификатор или же идентификатор могут быть представлены описательно: *заболоченное место в лесу, опасное место на реке, лес и поле, пожня и ручей*.

Независимо от того, представлены ли в речевом употреблении все три компонента топонима или какой-то из них вынесен за пределы топонима (на картах и в справочниках фиксируется за запятой или не проговаривается в данном речевом акте), а также незави-

симо от того, представлен ли каждый из компонентов одним словом, несколькими словами или нулевой фиксацией, семантический комплекс составного топонима содержит значения всех трех компонентов, причем как значения онимические, так и значения исходных апеллативов.

Семантика составного топонима имеет комплексный характер, но представлена она дискретно. Идентификатор (общеупотребительный географический термин) вводит в семантический комплекс топонима значение исходного апеллатива и соответствующее понятийное наполнение, связывающее собственно онимическое содержание топонима с родом географического объекта. Квалификатор «классифицирует», уточняет видовую принадлежность географического объекта, задает единичность понятия и вводит его в местную топонимическую систему. Дифференциатор «дифференцирует», определяет особенности объекта и в наибольшей степени отражает мотивировочные признаки и задачи номинации. Взаимодействие апеллативных исходных значений трех компонентов приводит к несоответствию апеллативных синтагм и собственно онимических, но учет всех трех значений в комплексе позволяет восстановить логику номинации даже в том случае, когда какой-либо из трех компонентов только подразумевается.

Понятие реальных и подразумеваемых компонентов топонима связано с денотативным пространством семантики топонима. Исходя из того, что представление о географическом объекте изначально включено в семантику топонима (или, по крайней мере, включалось при номинации), следует признать, что идентификатор в любом случае является семантически составной частью топонима, независимо от того, выражен он реально языковыми средствами (как в агглютинативных языках) или вынесен за пределы топонима в большинстве случаев (как в русском языке), но подразумевается, а иногда и вновь приобретает языковое выражение при коммуникации. Вопрос о подразумеваемых компонентах не возникал бы, если бы русский язык имел систему топоформантов. В тех случаях, где словообразовательные средства (например, суффикс *-ск-* для названий городов) заменяют топоформанты, этот вопрос в какой-то степени снимается, но это означает только то, что идентификатор легче вынести за пределы топонима, а не то, что он исключается из семантики топонима. Квалификатор в составных топонимах выражен более последовательно, но и он, будучи местным географическим термином для диалектоносителя, может оказаться лишь подразумеваемым, уступая весь объем информации, необходимый для конкретного коммуникативного акта, дифференциатору.

При формально-семантическом анализе топонимии трудно обойтись без соотнесения топонима с определенным классом географических объектов, иначе название может оказаться семантически пустым, так как неясными будут мотивы номинации. Не случайно топонимисты в экспедиции очерчивают понятийный объем идентификатора, включая в вопрос общенародный географический термин: «А какие у вас тут есть реки, какие озера?» и т.д. Воспринимающий новое географическое название не может игнорировать идентификатор, он должен отталкиваться от понятия о классе объектов и лишь потом может ограничиваться «подразумеванием». С другой стороны, номинатор отталкивается не от понятийной (сигнификативной) части значения топонима – для него существует конкретный объект, представление о нем, формулирующееся в денотативной (а иногда и коннотативной) части значения, а понятие о классе объектов изначально подразумевается.

Таким образом, воспринимающий новое географическое название более всех нуждается в сохранении и дифференциатора, и квалификатора, и идентификатора. Номинатор объекта может подразумевать квалификатор и идентификатор, поскольку для него важнее всего дифференцирующий признак номинации. А в устойчивой повторяющейся

коммуникативной ситуации реально может присутствовать или собственно топоним (в *Екатеринбурге*), или идентификатор (в *город, на озеро*), или – при совпадении квалификатора и идентификатора – дифференциатор (по *Чусовой*). При формально-семантическом анализе необходимо учитывать все три компонента.

Опора на формально-семантические связи дифференциатора, квалификатора и идентификатора может все-таки оказаться недостаточной, если ограничиться семасиологическим подходом. Что для семантического анализа могут дать собирателю топонимы *Богословская Кошка, остров, или Красный Север, поселок*? Только ономасиологический подход позволит выяснить, какие отношения между компонентами топонимов были изначально. В первом случае *кошка* – местный термин из к.-зыр. *коск* – ‘отмель’ и никаких семантических связей между дифференциатором и квалификатором при номинации не существовало. Та же ситуация с вторичной номинацией, в данном случае «отсобытийной», наблюдается в контексте к однословному топониму *Шуба, урочище (Видно, какой-то старик шубу потерял)*, хотя этимологически эта лексема восходит к саам. *шуб* ‘осина’. Другой случай – пример широко распространенной искусственной номинации, где семантика слова *красный* связана с политической символикой, а отнюдь не с частотными для топономинации значениями (‘красного цвета’, ‘ржавый’, ‘красивый’).

Можно находить и трактовать семантические связи во многих топонимических сочетаниях, там, где такие связи и не закладывались. Ономасиологический подход должен предостеречь от этого. Кроме денотативной соотнесенности компонентов топонима необходимо учитывать и диахроническую корректность мотивации. Несоответствие семантических полей исходных апеллятивов (*Сухая Бражка, река; Чугунное Масло, гора; Богословская Кошка, остров*) это сигнал о необходимости ономасиологического анализа компонентов топонима. Установление первичной мотивации, даже в виде гипотетического построения, дает возможность проследить пути топонимической номинации. Для собирателя и интерпретатора топонимии не менее важен в таких случаях и семасиологический аспект анализа топонима. К счастью, вторичная мотивация не обязательно противоречит первичной. Так, для приведенного топонима *Богословская Кошка* народная этимология дает вторичную мотивацию термину *кошка*, поддерживающую значение ‘отмель’: *Как кошка суда ловит, перемещается как кошка*. В некоторых случаях практически невозможно определить, какая мотивация первична. Так *Волчий Нос, Лисий Нос, мыс*, могут быть мотивированы как «мыс, на котором водятся эти животные» и как «мыс в форме носа этих животных». Тогда при первой мотивации семантических связей между компонентами топонима нет, а во второй есть. В других внешне однотипных топонимах: *Петухов Нос, Бесов Нос, Собачий Нос* – мотивами номинации могли быть соответственно антропоним, наличие непонятных следов, знаков, рисунков, отрицательная оценка.

Задача формально-семантического анализа составных топонимов – выявить случаи, когда отношения между компонентами семантически обусловлены, когда семантические поля дифференциатора и квалификатора пересекаются, взаимодействуют, а в некоторых случаях срастаются до терминологического комплекса или фразеологизируются. Поэтому ономасиологический подход, особенно в отношении ступенчатых номинаций, наиболее продуктивен.

Опираясь на ономасиологический подход при анализе любого составного топонима, необходимо учитывать особенности происхождения топонимов-словосочетаний. В одном случае это **цельнообразованные составные наименования**: искусственные номинации разных типов, большей частью социально обусловленные (*Красный Север, поселок; Земляной Фонд, пожня*); наименования, перенесенные из другой топонимической

системы (*Новые Черемушки, часть деревни; Нагорный Карабах, часть деревни*); устойчивые сочетания, перенесенные из апеллятивной лексики (*Сенькина Шапка, гора; Красная Шапочка, гора; Белый Бычок, покос; Красная Девица, река; Золотой Ключик, ручей; Пуп Земли, поле; Пронеси Господи, скала*); двусоставные метафоры в роли топонимов (*Коньи Уши, скала*) или экспрессивно-метафорические наименования (*Золотое Доньишко, озеро; Золотой Рубль, болото; Заячья Смерть, урочище; Чертова Родина, поле*); «отсобытийные» номинации, отражающие типовые ситуации и разовые, единичные (*Зоино Приданое, пожня; Сбежловый Конец, часть деревни; Шальный Холм, холм*). Это *дотопонимические сочетания*, где оба слова совместно выступают в роли дифференциатора. Дотопонимические отношения между исходными апеллятивами компонентов в комплексе с семантикой идентификатора и составляют семантику топонима. Семантические отношения между компонентами цельнообразованных составных наименований задаются в момент номинации, подчиняются семантическим законам, действующим в апеллятивной лексике. Семантика составного топонима в этом случае представляет собой изначально единое целое и, подобно семантике однословного топонима, целиком связывается с денотативным пространством соответствующего географического термина-идентификатора и присваивается определенному объекту.

В другом случае, это *ступенчатые номинации*, основанные на уже существующих географических терминах или словах, к ним приближающихся, то есть часто используемых на месте квалификатора. Это *собственно топонимические* отношения компонентов топонима, при которых мотивация дифференциатора связана с особенностями географического объекта, а не с семантикой исходного апеллятива на месте квалификатора, то есть *Кирияновы Штаны, покос*, не имеет отношения к брюкам, принадлежащим Кирияну, *Ласковый Дровосек, гора*, – не дровосек по профессии с соответствующими чертами характера, *Белая Брага, покос*, – не напиток этого цвета и *Дунькин Пуп, покос*, – не часть тела некоей Дуньки. В двусоставных ступенчатых номинациях каждый компонент индивидуально соотносится с объектом, а отношения между дифференциатором и квалификатором, возникающие *после номинации*, больше обусловлены системой языка, чем реальными географическими особенностями объекта. В таких случаях может вводить в заблуждение кажущаяся метафорическая сочетаемость компонентов в топонимах типа *Лисий Нос, Волчий Нос, Гусиный Нос, мыс; Заячья Голова, покос; Комарья Нога, мыс*. Часто такие названия расшифровываются как «место, на котором водятся лисы, волки, зайцы, комары и т.д.», и соответственно речь идет о нулевых в момент номинации семантических отношениях между компонентами топонимов. Квалификатором здесь также является местный географический термин, квалифицирующий конкретный географический объект, а дифференциатор содержит признак объекта, но не квалификатора с точки зрения его исходной апеллятивной семантики: не «мыс, похожий на нос гуся или ногу комара», а скорее «мыс=нос» и «мыс=нога», на которых много гусей или комаров. В некоторых случаях такие названия мотивированы антропонимами, например: *Мужик Петух там косил, так его чищенина* (о покосе *Петухов Нос*); о такой мотивации свидетельствуют и варианты дифференциатора с антропонимическими суффиксами: *Звонкий Барабан, пожня*, вариант *Звонков Барабан*, то есть в семантику топонима, несмотря на внешние показатели, не включаются нос петуха или звонкий музыкальный инструмент.

Однако не все топонимы-словосочетания, имеющие в своем составе географический термин, можно отнести к ступенчатым номинациям. Некоторые из них мотивированы конкретными «реальными» событиями, произошедшими на этом месте, например: *Ко-*

была ногу там подвернула (о покосе *Кобылья Нога*). Так же «отсобытийно» может мотивироваться и квалификатор, если местный географический термин на этой территории становится малоупотребительным: *Березник растет, часовня там была, раскольники туда убежали; Может, фигуру коня вытесали или еще что* (о лесе *Березовый Конь*, где конь – ‘гряда на болоте, поросшая густым лесом одной породы’). В таких случаях не следует смешивать мотивы номинаций дотопонимических с мотивами ступенчатых номинаций. В приведенном названии *Кобылья Нога* на месте квалификатора находится слово, имеющее статус местного географического термина, но используется оно в апеллятивном значении так же, как и в топониме *Крылова Нога, покос: Там Крылов ногу подвернул*. Следует еще раз подчеркнуть, что контексты – не абсолютный показатель при анализе мотивов номинации. Существует вопрос о вторичных типовых интерпретациях, «народных этимологиях» в случае, когда значение исходного апеллятива географического термина (например, *нога*) занимает такую же активную позицию в лексиконе диалектоносителя, как и в топонимиконе.

Участникам топонимических экспедиций знакомо стремление диалектоносителей объяснять происхождение географических названий конкретными событиями, связанными с данным локусом. Необходимо разграничить мотивы номинации и мотивы интерпретации составных топонимов, обусловленные как языковыми, так и неязыковыми факторами. В одних случаях *событие* (единичное или повторяющееся) *действительно имело место*, т.е. интерпретация соответствует мотивации: *Где Трактор Пал, покос* – «Трактор старый, еще с железными колесами, в канаву упал, всем колхозом вытаскивали»; *Коровье Спище, поляна в лесу* – «Там коровы спят»; *Сбегловый Конец, часть деревни* – «Раньше называли Сбегловый Конец, потому что жены от мужей убежали, а потом переименовали в Америку». Сюда же можно отнести глагольные наименования *Здеринога, Разломинога, Боли Серцо*, характеризующие труднодоступные объекты. Интересно, что эти топонимы участники экспедиций часто фиксируют слитно и, таким образом, осознавая необычность глагольных сочетаний для русской топонимической номинации, придают им форму привычных номинативных единиц. Собственно, они уже субстантивировались в речи диалектоносителя с помощью соответствующих окончаний. В других случаях отсобытийную интерпретацию вызывает *собственно языковое явление* – семантическая модификация исходных слов. В этом случае интерпретация не соответствует или опосредованно соответствует номинации, в последнем случае значение апеллятива (языковой фактор) оживляет исходные фольклорные, исторические, мифологические, религиозные представления о типовых ситуациях, хранящихся в народном сознании (неязыковой фактор). Лингвистически легко противопоставлять такие явления, однако реально не каждый, даже самый блестящий, краевед, лингвист или этнограф в состоянии разграничить элементы были и небылицы в народных интерпретациях. Это и не является целью исследования. Цель – выделить группу составных топонимов, которая демонстрирует возникновение семантического комплекса топонима на собственно языковом уровне в момент интерпретации, и отделить эту группу ступенчатых номинаций от номинаций цельнообразованных, где семантический комплекс возникает до или в момент номинации.

Приведем примеры некоторых типовых интерпретаций: *Осиновый Мыс, мыс* («Когда поляки приходили, на них осины напустили по реке, они все и потонули»); *Клытина Гора, гора* («Клыпы у нас раньше жили, Клыпина гора от них осталась, они в шерсти все, как облизьяны»); *Дурная Гора, угор* («Петр Первый ехал, да вздурили кони»); *Вылазгора, лес, гора* («С Ярбозера дорога проходила, богатых людей там грабили, вылазили»); *Явленное Место, урочище* («В речке икону нашли Божьей Матери, она сама туда

пришла, часоуенку поставили, Божья Мати оттуда чертей прогнала, из этих мест»); *Поганая Горка, пашня* («Говорили, когда церкву ставили, черти-то испугались и все на эту поганую гору полезли»); *Голодная Гора, гора* («Там дорога была, едет богатый, идет бедный, и захотел он исть. Подходит к богатому, кусок хлеба просит, а тот: если заскачешь на одной ноге на эту гору, дам, мужик во всю гору на одной ноге доскакал за кусок хлеба, потому зовут Голодная»); *Золотое Дно, покос* («Там барин в болоте потопил золотую денежку»); *Золотое Озеро, озеро* («Смолокуры недалеко там работали. Ехал купец рассчитывать смолокуров, лошади не шли, он их проклял, они вместе с золотой каретой в озеро и свалились»; Узнали два брата, что купец едет с деньгами, грабанили его, купца убили, а карету-то утопили нечаянно, лошадей повели на базар продавать, там их и поймали»); *Марьян, бор* («Дак какие-то чуди жили, Марья там жила какая-то, в етой Марьяной квартире, не знаю уж, сколько она стоит»); *Чудов Колодец, пожня* («Раньше на этом поле был колодец, из него чудь воду брала»); *Дунькино Болото, болото* («Там бабка Дуня померла»); *Костина Речка, река* («Костя раньше тут жил, вроде лентяха. Лошадь не ковал. Если скользко, кафтан подстелет, перейдет и дальше идет»).

По приведенным контекстам нельзя уверенно отнести такие топонимы к событийным. Но очевидно, что в сочетаниях начинают действовать семантические соответствия, которые не закладывались при номинации.

Схематически составные топонимы можно разделить на две большие группы: цельнообразованные топонимы (искусственные номинации, устойчивые сочетания, перенесенные из другой топонимической системы или апеллятивной лексики, образные и символические двусоставные номинации) и ступенчатые топонимические номинации, имеющие большую или меньшую спаянность компонентов.

Принимая такую градацию, необходимо учитывать, что она не делит топонимы на жестко разграниченные подтипы. Это гипотетическое построение, так как возможны параллельные мотивации, плавные переходы между ступенями, пограничные ситуации. Каждый топоним однозначен в момент номинации, но позже отношения между компонентами составного топонима внутри синтагмы могут быть многозначными, и какой-либо один аспект может актуализироваться в определенный момент и на определенной территории. Семантическая связанность компонентов развивается не от минимума к максимуму, как в апеллятивной лексике, а по кругу.

Следует подчеркнуть, что перечисленные выше типы – это только ячейки, ступеньки градации, обнаруженные при работе с материалом. Заполняемость их различна. Мотивация также может быть разной, может быть двойной, и даже для приведенных примеров она не всегда должна абсолютизироваться по приведенным выше причинам. Градация топонимов от цельнообразованных составных топонимов, как наименее значимых с точки зрения семантических связей компонентов, к топонимам, имеющим вторичные семантические соответствия компонентов, наведенные языком, и до ступенчатых топонимов, имеющих прочные семантические отношения, обусловленные внеязыковыми факторами, но опирающиеся при этом на языковые законы синтагматических соответствий, позволяет рассмотреть направления номинативных процессов внутри составных топонимов.

При анализе ступенчатых номинаций возникают два вопроса: 1) существуют ли номинативные «толчки» от дифференциатора к квалификатору (также и наоборот), когда языковые законы довлеют над объективными признаками географического объекта, и 2) является ли показателем ступенчатой номинации используемое на этой территории слово в качестве

географического термина (будь то квалификатор – *лапа, нога, бык* и т.п. или дифференциатор – *золотой* (богатый), *железный* (труднодоступный), *белый* (западный) и т.п.?)

Для решения этих вопросов обратимся к топонимам типа: *Белая Мука, ручей; Кислые Щи, пожня; Красная Девица, река; Золотой Рубль, болото*, и тому подобным.

Семантические связи между компонентами этих топонимов очень устойчивы и предсказуемы. Если следовать мнению, что любой топоним стремится к компактности и однословности, то для какой же цели в составе топонима появился второй «лишний» компонент – квалификатор? Ведь скорее всего выбор дифференциального признака при топонимации шел по пути: вода белого цвета – *Белый ручей*; «кислая», болотистая почва – *Кислая пожня*; красивая или красного цвета река – *Красная река*; богатое, полезное место – *Золотое болото, Золотой покос*. Однако прилагательное по ассоциативным связям языковой «сетки» в нашем сознании влечет за собой существительное. И на этот номинативный «толчок» от дифференциатора к квалификатору работает комплекс причин, как-то: недостаточность, неудобность прилагательного с номинативной точки зрения; частота употребления этих прилагательных как дифференциаторов и их терминологизация, что приводит к утрате топонимичности; конкуренция двух типов топонимации: прямой (по цвету, качественному признаку или эмоциональной оценке, как было в дифференциаторах приведенных топонимов) и метафорической: *Белая Мука, ручей*; географическое окружение объекта, влияние местной топонимической системы: рядом с рекой *Красная Девица* есть река *Девица Смердячая*.

Приведенные примеры касаются вероятного приращения квалификатора к дифференциатору, но процесс это обоюдный, и следует признать, что не менее естественным и частотным для топонимации является противоположное направление – приращение дифференциатора к квалификатору. Но такие номинации уже с большей определенностью можно назвать ступенчатыми, тогда как приведенные выше топонимы находятся на нижней уровне иерархии ступенчатых номинаций, почти на переходе между цельнообразованными и ступенчатыми топонимами.

Приращение дифференциатора к квалификатору информанты часто стремятся объяснить «отсобытийно», особенно если дифференциатор антропонимического происхождения: *Матренин Квас, ручей* («Матрена из него гостей угощала, водой вместо квасато»); *Андреева Кобылка, покос* («Там волк у Андрея съел кобылу»); *Гогин Питер, поле* («Гога был старичок, хотел в Питер ехать на заработки, раскопал это место, да тут и остался – вот тебе и Питер»). В таких контекстах топонимические словосочетания кажутся неделимыми, цельнообразованными. Но в пользу того, что это ступенчатые номинации, следующие не такому уж большому набору моделей топонимии, предпочитающей узнаваемые объекты в названиях, свидетельствует большая или меньшая терминологизированность квалификаторов: и *Квас*, и *Кобыла*, и *Питер* зафиксированы и в составе многих топонимов, и как диалектные географические термины (в первоначальной форме или каком-либо словообразовательном варианте). Терминологизация могла быть повсеместной или территориальной, но даже если словари географических терминов и картотеки диалектных слов не фиксируют какой-либо квалификатор как местный географический термин, в решении вопроса о степени его терминологизации нам поможет анализ топонимических моделей на данной территории: например, кроме топонима *Бараньи Щи, ручей*, на территории Архангельской области есть топонимы *Щи, ручей*, и *Кислые Щи, пожня*; кроме топонима *Дунькин Пуп, холм*, есть топонимы *Кирилов Пуп, холм; Бабий Пуп, озеро*, и *Золотой Пуп, покос*, и т.д. Маловероятно, что это окказиональные или искусственные номинации, так как микротопонимия предпочитает не экстраординарные



(навязанные) признаки, а экстраполированные на естественную окружающую среду и выраженные через узнаваемые модели номинации.

В ступенчатых составных топонимах, как уже говорилось, каждый компонент топонима в момент номинации может индивидуально соотноситься с объектом, а позже при функционировании топонима отношения между компонентами могут быть более обусловлены системой языка, чем реальными географическими особенностями объекта. Так, в номинациях *Журавлиный Нос, мыс; Мерзлое Гнездо, деревня; Щучий Язык, урочище; Белый Бычок, гора*, могло и не иметься в виду сходство географического объекта с объектом, называемым данным семантическим комплексом. Более того, происхождение этих топонимов могло быть вовсе не метафорическим. Но семантические отношения между компонентами топонима, обусловленные системой языка, то есть семантическими отношениями между исходными апеллятивами, заставляют нас воспринимать топонимический комплекс целиком и ожидать подтверждения предполагаемой модели номинации в контексте. Номинатор видит географический объект или может его обойти и исследовать, в крайнем случае -- произвольно назвать, сориентировавшись на местности. Первоначальное понятийное соотнесение объекта с определенным классом содержится в географическом термине-идентификаторе. Для носителей литературного языка это общеупотребительные географические термины (*гора, река, озеро, болото, лес, поле, луг, поляна* и т.п.), для диалектоносителей это может быть более разветвленная градация с использованием местных терминов. В любом случае, идентификатор может оказаться равным квалификатору, а географический термин стать частью топонима. Может стать топонимом и собственно квалификатор (термин или нетермин). В случае необходимости уточнить какой-либо дифференцирующий признак объекта или выделить объект из ряда подобных квалификатору присваивается дифференциатор. Это основная линия ступенчатых номинаций. И следует еще раз отметить, что в момент номинации подразумеваются или присутствуют все компоненты топонима, хотя в дальнейшем, при функционировании какой-либо компонент может выпадать.

Такое направление ступенчатой номинации мы видим в топонимах типа *Журавлиный Нос, мыс* (независимо от того, является ли дифференциатор метафорическим или нет), то есть в большинстве случаев тогда, когда квалификатором является общеупотребительный (*Бесова Гора, гора*) или местный (*Попова Брюшина, гора*) географический термин. Это же направление сказывается в топонимах с дифференциаторами, ориентирующимися на местности (*Верхний Конец, поле*), указывающими на размер (*Долгие Веревки, покос*), качественный признак (*Еловый Конь, остров леса на болоте*), форму (*Коврижский Бугор, покос; Бараньи Ручьи, ручьи* – «Как рога барана»), хозяина объекта (*Гогин Питер, пожня; Белоусихи Полосы, покос*) и т.д.

Последовательное движение номинации в направлении от идентификатора к квалификатору и, далее, от квалификатора к дифференциатору может изменяться на *параллельное* – от идентификатора к квалификатору и от идентификатора же к дифференциатору или *круговое* – от идентификатора сразу к дифференциатору, а от дифференциатора к квалификатору.

Другими словами, признаки объекта выражаются и квалификатором, и дифференциатором, а уж будет ли семантика этих слов отвечать нормам сочетаемости, номинатора не беспокоит, часто он может и не замечать это семантическое несоответствие, вкладывая терминологический смысл в известный нам апеллятив. Так возникают парадоксальные на первый взгляд названия типа *Железная Сметана, Чугунное Масло* или *Плоская Кошка*. Вообще же семантические несоответствия дифференциатора и квалифика-

тора свидетельствуют о собственно топонимической мотивации словосочетания. Могут показаться неестественными или символическими сочетания типа *Блюдная Грива, гора; Щучий Язык, урочище; Пьяное Корыто, глубь на озере*, если не учитывать терминологизированность квалификатора и наличие идентификатора.

Даже в номинациях типа *Мерзлое Гнездо, деревня*, направление номинации, судя по контекстам, могло быть параллельным или круговым, то есть основное направление – от идентификатора к дифференциатору (*Хоть немножко мороз – все замерзнет*). Важным оказывается признак, содержащийся в дифференциаторе, а образный квалификатор *гнездо* в контексте не упоминается, значит, словосочетание не могло быть цельнообразованным и *гнездо* воспринимается как термин либо, наконец, рядом был еще один топоним *Гнездо*, который нужно было разграничить с приведенным здесь.

В контексте топонима *Белый Бычок, гора (Там белый камень)*, также ничего не упоминается о параллельном сходстве камня с быком (хотя это более чем вероятно), что свидетельствует о терминологичности квалификатора, а также возможно, судя по другому контексту, наложение отсобытийной мотивировки (*Увидели бычка там*). Кроме того, есть аналог в апеллятивной фразеологии, который позволяет легко воспринимать топоним целиком, не предполагая никаких ступеней номинации.

В схематическом виде направления ступенчатой номинации выглядят следующим образом:

1) идентификатор – дифференциатор – квалификатор: *Белая Мука, ручей; Золотой Рубль, болото; Гладкая Лада, урочище; Гороховая Шаньга, урочище* («Она и не круглая, с чего шаньга, не знаю»); *Собачье Кладбище, пожня* («Худое место такое, не приведи бог косить»); *Чертova Доля, урочище*;

2) идентификатор – квалификатор – дифференциатор: *Журавлиное Горло, Бычье Горло, Медвежья Лапа, поле; Дунькин Пуп, покос; Матренин Квас, ручей; Кобылий Глаз, яма с водой; Бараньи Щи, ручей; Щучий Хвост, залив* («На щучий хвост похож, длинный такой»); *Журавлиная Шея, поле; Свиной Хребет, лес; Кобыльи Титьки, гора*;

3) квалификатор – идентификатор – дифференциатор: *Золотая Ляжка, покос; Золотой Каравай, гора* («Там булыш такой, как каравай, трава на ем хорошая была»); *Кислые Ляги, заболоченное место в лесу; Летний Клок, поле; Листвяный Рай, лес; Кошачья Дырка, ключ; Кислые Щи, ручей; Марья Лысина, река* («Там место лысо, без деревьев, и Марья, говорят, какая-то жила»); *Веселая Веретья, лес* («Лес веселый, сосновый, там самая охота, глухари, лоси»); *Золотой Рожок, порог; Железное Дно, урочище; Черная Кринка, озеро; Белая Брага, покос; Сухая Бражка, ручей; Журавлиный Нос (Крысиный Нос, Кониный Нос, Лисий Нос), мыс*.

От направления номинации зависят формально-семантические отношения между дифференциатором и квалификатором, выявляющиеся при восприятии и функционировании составных топонимов. Семантические отношения внутри составных топонимов значительно отличаются от семантических отношений исходных апеллятивов, в результате чего восприятие топонима наталкивается на преграду соответствия/несоответствия семантических полей дифференциатора и квалификатора.

Тесные семантические отношения между компонентами составных топонимов как атрибутивных словосочетаний могут приводить к терминологизации и фразеологизации топонима. Топонимическое словосочетание «дифференциатор + квалификатор» целиком становится географическим термином более или менее широкого распространения, как мы наблюдали в наименованиях типа *Бычье Горло, Журавлиное Горло, Собачьи Горла*, обозначая специфические особенности географического объекта (здесь – пролива). По-

добные составные наименования отмечены и Э.М. Мурзаевым<sup>1</sup>: *белая вода, красная вода, черная речка, железные ворота* и др. Терминологизация словосочетаний не очень удобна с точки зрения речевых употреблений, так как приращение к словосочетанию еще одного дифференциатора делает употребление топонима слишком громоздким. Поэтому такие составные термины находятся на границе между собственно терминами (апеллятивами) и географическими названиями (именами собственными). Терминологизация топонимов-словосочетаний выявляет такое интересное явление, как составные топонимы-фразеологизмы. Фразеологизация может проходить и только в области топонимии, когда общее значение составного топонима не вытекает из значений компонентов топонима (например, *Железные Ворота*), и распространяться из топонимии в сферу апеллятивной лексики (например, *собачья дыра, медвежий угол, золотое дно*). Следует сразу отметить, что в таких случаях могли быть встречные потоки: из нарицательной лексики в топонимии и, напротив, из топонимии в нарицательную лексику. Рассмотрим возможность второго пути. Экспрессивный дифференциатор *Собачий* уже приводился в составе топонима *Собачьи Горла*. Этот экспрессив может сочетаться с различными метафорическими по происхождению квалификаторами (*Собачий Нос, мыс; Собачий Ручей, ручей; Собачьи Горы, горы; Собачьи Чурки, горы; Собачье Болото, болото*), но наиболее тесные фразеологические отношения возникают в комплексе с другим распространенным экспрессивно-метафорическим квалификатором – *Дыра* (ср. *Жабина Дыра, озеро; Евсеева Дыра, урочище*). В таком виде (*Собачья Дыра*) топоним может называть различные географические объекты, объединенные признаком труднопроходимости, опасности, о чем свидетельствуют контексты: о лесе *Собачья Дыра* («Гибло место тако»); о протоке *Собачья Дыра* («Узкое место»; «Странно место, там не проплывешь без мўки»). Предположить то, что фразеологизация сочетания осуществлялась сначала в топонимии, а уж потом в готовом виде фразеологизм перешел в сферу апеллятивов, позволяет достаточно широкое распространение и дифференциатора, и квалификатора в топонимии. Именно в топонимии без видимой причины эти два слова могли объединиться благодаря ступенчатым номинациям составных топонимов. Сначала связи компонентов были формальными, потом, благодаря фразеологизации, возникло новое общее значение, не вытекающее из апеллятивных значений компонентов.

Аналогичную ситуацию можно увидеть и в происхождении фразеологизма *медвежий угол*. По мнению С.И. Коткова, мы обязаны появлением этого фразеологизма только рассказу П.И. Мельникова-Печерского с одноименным названием. С.И. Котков полагает, что Мельников-Печерский мог знать название реально существовавшего в XVI–XVIII вв. в Суздальском уезде села Медвежий Угол, охарактеризовал этим топонимическим комплексом в своем рассказе уездный город Чубаров, и с легкой руки автора этот фразеологизм перешел в разряд апеллятивов<sup>2</sup>. Однако распространенность в топонимии и дифференциатора, и квалификатора позволяет предположить и здесь ступенчатую номинацию с последующей терминологизацией и фразеологизацией сначала в топонимии, а позже переход комплекса в апеллятивную лексику. (Ср., однако, приведенный фразеологизм с топонимическим комплексом *Чертов Угол, болото*, а также неофициальное название *деревни, и Чертов Уголок, полоса в поле*, который в общеупотребительную апеллятивную лексику не перешел.)

<sup>1</sup> См.: Мурзаев Э.М. Словарь местных географических терминов. М., 1984.

<sup>2</sup> См.: Котков С.И. Медвежий угол // Русская речь. 1983. № 4. С. 110–113.

Ту же ситуацию мы видим при анализе фразеологизма *золотое дно*. Определение *золотой* встречается в составе топонимов-словосочетаний очень часто (по данным картотеки ТЭ – не менее 60 фиксаций). Этот дифференциатор сочетается с общенародными географическими терминами (*гора*) и множеством диалектных терминов на месте квалификатора (*грива, релка, конь, котел, пуп, жар, песок*). Иногда такие топонимы кажутся семантически связанными (*Золотой Жар, пожня; Золотой Рожок, порог; Золотой Каравай, гора*), но, учитывая наличие приведенных квалификаторов в местной географической терминологии, следует сделать вывод о ступенчатой номинации и о вторичной семантической связи компонентов, возникшей на уровне восприятия семантики аппеллятивов. Есть и окказиональные случаи типа *Золотой Ключик, ручей*, в которых знание терминов *ключ* и *ручей* позволяет говорить также о ступенчатой номинации, а не о фольклорных мотивах ее, хотя возможность вторичной мотивации здесь остается.

Другая ситуация наблюдается с противоположным направлением номинации – приращением квалификатора к дифференциатору, которые уже обсуждались выше: *Золотая Деньга, покос; Золотой Рубль, болото*. Эта модель значительно меньше распространена в топонимии, поскольку ее «излишняя» образная и эмоциональная нагруженность не служит прагматическим целям топонимической номинации.

И, наконец, наиболее часто встречается в топонимии сочетание *Золотое Дно* (около 30 фиксаций) или *Доньшко, Деньшко* применительно к разным географическим объектам (только половина из них – водные): «Там всегда урожай хороший рождается»; «Всегда на ем семена приходили жати»; «Рыбы много ловится» и т.д. Такая широта использования словосочетания говорит о его терминологизации в топонимии и последующем переходе в аппеллятивную лексику в значении богатого, полезного места, где с наименьшими затратами можно получить наибольшую прибыль.

Подобную судьбу имеет и не столь экспрессивно нагруженный топоним *Железные Ворота*, широко распространенный на Русском Севере. Такое наименование имеют 7 проливов между островами, другие объекты, связанные с водным течением (порог, остров, перешеек, мыс, каменный выступ), а также поле, лес, урочища в Архангельской и Вологодской областях. П.Л. Маштаковым зафиксирован и географический термин *железные ворота* со ссылкой на материалы словаря А. Подвысоцкого в значении ‘тесный пролив между островом и материком или двумя островами, весьма глубокий и расположенный так, что о нем во время морских приливов происходит стремительное течение воды’<sup>1</sup>. Такое толкование мотивирует номинацию только одного объекта (пролива), но не объясняет, почему этим же топонимом номинируются не только проливы, но и другие географические объекты.

Семантика квалификатора *ворота* не вызывает сомнений. Географический термин *ворота*, основанный на метафоре, существует во многих языках, широко распространен и в русском со значением ‘узкий пролив, проход, узкое место’. Более сложной представляется трактовка дифференциатора *железные*. Прямое значение слова *железный* – ‘из железа, связанный с железом’ – ничего не дает для выяснения семантики сочетания. Но при том, что месторождений железных руд нет на Русском Севере, дифференциатор *железный* часто встречается в составе топонимов на этой территории (*Железные Гонь, Железный Бог, Железный Наволок, Железный Нос, Железный Ручей*) и в виде самостоятельной топонимической единицы: *Железный, перекат, ручей, мыс; Железное, поле, болото, озеро*).

<sup>1</sup> См.: Маштаков П.Л. Материалы для областного водного словаря. Л., 1931. С. 117.

Значение 'цвет железа' также не является достаточным основанием для формирования такого большого количества топонимов, за исключением названий некоторых водных объектов, где речь идет о ржавом цвете воды.

Переносное значение 'крепкий', которое часто встречается в составе апеллятивных фразеологизмов типа *железная хватка*, *железное терпение*, а также значения 'прочный', 'тесный', 'жесткий', 'устойчивый' не являются достаточным эквивалентом понятия 'железный' в составе топонима *Железные Ворота*. Наиболее адекватная интерпретация переносного значения компонента *железный* для топонимов – сопряженный с трудностями, трудноусваиваемый, труднопреодолимый. В пользу этого говорит и наличие на Русском Севере топонимов *Железные Ворота*, называющих не только проливы, сложные для судоходства, но и другие трудные для передвижения или обработки объекты.

Таким образом, топоним *Железные Ворота* терминологизируется в виде устойчивого сочетания, а терминологизация является одним из критериев появления тесных семантических (вплоть до фразеологических) связей между квалификатором и дифференциатором. Однако в данном случае фразеологизм остается только в топонимии и в апеллятивную лексику не переходит.

Во всех приведенных выше примерах рассматривался самый распространенный для возникновения семантических связей между дифференциатором и квалификатором случай – когда место квалификатора занимает географический термин, образованный на базе метафоры или метонимии. В некоторых случаях, когда идентификатор и квалификатор совпадают, то есть на месте квалификатора оказывается общеупотребительный термин неметафорического происхождения, все-таки отношения дифференциатора и квалификатора становятся семантическими, топонимический комплекс закрепляется, терминологизируется, способен воспроизводиться.

Рассмотрим, например, широко распространенный составной топоним *Черная Речка*. Если этот топоним называет какую-либо реально существующую реку (а не покос, деревню или другой географический объект на этой реке) и соответственно квалификатор и дифференциатор совпадают, возникает вполне понятное желание унифицировать название «Черная Речка, р.» Наряду с топонимами *Черная, река*, и *Черный, ручей*, в виде: *Черная, р.*, то есть вынести термин за пределы топонима, несмотря на уменьшительный суффикс. Между компонентами топонимов *Черная река* и *Черный ручей* нет никаких новых семантических связей, и при употреблении их возможны как однословные, так и составные варианты, и термин допустимо выносить за пределы топонима. С другой стороны, составной топоним *Черная Речка* по данным речевых употреблений, картотеки ТЭ, а также словарей географических терминов терминологизировался повсеместно как *черная речка* (а не *Чернушка* или *Чернавка* по модели типа *Каменная речка – Каменка*), обозначая реки, собирающие болотные воды, черные по цвету, глухие, стоячие, а также родниковые, незамерзающие, начинающиеся из источников. Э.М. Мурзаев отмечает также, что «черных речек великое множество... но ни одной большой»<sup>1</sup>. В контекстах картотеки ТЭ типа «угрюмая такая река» очевидна также экспрессивность, вкладываемая информантами в определение *черная*. Есть и еще дополнительные значения слова *черный* как компонента топонима ('глубокий, полный рыбы'). Такой разброс значений связан с тем, что на разных территориях на первый план выходит что-либо конкретное, существенное для местных географических объектов. Независимо от этого *черная речка* – устойчивый, семантически связанный комплекс.

---

<sup>1</sup> Мурзаев Э.М. Указ. соч. С. 612.

*Вшивая Горка* – переходный случай между топонимами, в которых квалификатор и термин совпадают, и топонимами, где такого совпадения нет, так как этим комплексом чаще называется не географический объект *гора*, а часть населенного пункта – возможно, возвышенная по отношению к соседним. Квалификатор *гора* является общеупотребительным термином, хотя и слегка трансформированным. Существенную роль здесь играет переход идентификатора одного объекта в квалификатор другого объекта, но наиболее важен для закрепления связи между компонентами составного топонима экспрессивный дифференциатор *вшивая* – одновременно, может быть, метафорический (густонаселенный барачный район) и метонимический (антисанитарный). Может также актуализироваться и сема ‘мелкий, незначительный’ (ср. апеллятивное пейоративно-оценочное *вшивый городишко*, например). Этот же дифференциатор может сопутствовать и другим идентификаторам (*Вшивое, болото; Вшивый, ручей; Вшивый, ключ*), но в таких случаях легко отделяется от них, о чем свидетельствует конденсация (*Вшивка, Вшивец, ручей*). Интересно, что сочетание *Вшивая горка*, не ставшее фразеологизмом в общеупотребительной лексике, можно считать узуальным для некоторых диалектов в значении ‘старый конец деревни, ветхие дома’.

В этих двух примерах следует отметить особую «обыгрывающую» термин роль уменьшительного суффикса *-к-*, позволяющего в некоторой степени увеличить свойство «быть собственным именем» общеупотребительных географических терминов.

Для рассмотренных случаев, когда в двусоставных топонимах квалификатор и идентификатор совпадают, терминологизация топонимического комплекса (*черная речка, вшивая горка*) является важнейшим критерием возникновения между дифференциатором и квалификатором новых, более тесных семантических связей. Членение такого типа составных топонимов невозможно без ущерба для их значений.

Итак, в некоторых случаях спаянность семантики компонентов достигает такого уровня, что комплекс терминологизируется. Когда на базе «сложения» значений возникает новое, общее значение топонима, не вытекающее из значений компонентов, комплекс фразеологизируется в топонимии. Третья ступень фразеологизации наблюдается лишь в отдельных случаях – когда распространенный топонимический фразеологизм может переходить в апеллятивную лексику.

**Г.М. Керт**

## **ТОПОНИМИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

Непреодолимый интерес, который вызывают к себе топонимы, объясняется не только своеобразием их функций, загадочностью происхождения громадного их большинства, отличиями их грамматических особенностей от другого класса слов, а именно апеллятивов, но и значительной их информативностью при решении этногенетических проблем.

Основное назначение, функция топонимов – это выделение, индивидуализация, идентификация именуемых объектов среди других. В настоящее время в условиях становления информационного общества трудно переоценить роль и значение топонимов как точных ориентиров на местности. Одной из первых задач топонимики как науки является создание единой топонимной службы, а также региональных сводов топонимов.

© Г.М. Керт, 2001